

Затвердивши свои ругательства насколько возможно лучше, он позвал стрижа, чтобы тот довел его до Малого моста и показал ему эту селедочницу. Кроме него, он пригласил с собой еще нескольких других галошников,²³³ которых он сводил *in primis et ante omnia*²³⁴ в кабачок «Мул» и хорошенько подпоил. Едва они дошли до Малого моста, как селедочница узнала стрижа и, увидев, что он явился на этот раз не один, догадалась, зачем он пришел.

– Ах, вот они! – закричала она. – Вот они, обжоры! Вся школа свалилась!

Профессор приблизился к ней и, постучав об лохань, где она держала сельди, сказал:

– А что нужно этой старой ведьме?

– Ах ты, кутейник! – сказала старуха. – Уж не затем ли ты сюда пришел, чтоб задирать меня?

– Вот навязалась, старая шлюха! – сказал профессор. – Клянусь светом! Пусть будет по-твоему!

И с этими словами он стал перед ней в позу фехтовальщика, намереваясь сразиться с ней меткими ударами языка.

– Слава те боже, – сказала селедочница, увидев, что ей делают вызов. – Так ты хочешь меня переругать, чумазый учительшка! Ну, ну! Начинай, дюжий осел, увидишь, как я тебя отделаю. Говори же, твой черед!

– Эх ты, двужильная! – сказал профессор.

– Ах ты, сводник!

– Провались ты, тварь!

– Нишкни, потаскун!

В самом разгаре сражения я должен был уйти, потому что у меня были дела, но я слышал от свидетелей, что обе стороны долго и отважно сражались, высыпав друг на друга по сотне самых отборных, крепких и сногшибательных ругательств. Но говорят, что у профессора вырвалось одно ругательство два раза: он вторично назвал ее «тварью». Селедочница заметила это и сказала:

– Слава те боже! Да ведь ты уже это говорил, блудник ты этакий!

– Ну и что же? – ответил ей профессор. – Ведь ты и дважды и трижды тварь!

– Брешешь, лягушонок противный!

Надо полагать, что бойцы бились некоторое время так искусно, что зрители не знали, кому из них отдать пальму первенства. Но у профессора истощился наконец первый свиток. Он вытащил из рукава второй, и так как он не знал наизусть, то немного смутился, увидев, что селедочница входит в еще больший азарт. Однако, надеясь, что если он отхватит их единым духом, то ему удастся ее сбить, он начал читать записанные в свитке школьные ругательства:

– Алектто, Мегера, Тезифона,²³⁵ презренная, гнусная, омерзительная, отвратительная!

Но селедочница его прервала.

– Ну, слава те боже! – сказала она. – Ты уже не знаешь что и сказать? Говори по-настоящему, и я буду тебе отвечать, безмозглый! Говори по-настоящему! Ах, он принес с собой целый свиток! А ну-ка, поди сперва выучи его, учитель Жоан! Ты еще не выучил своего урока!

И все селедочницы принялись на него лаять, словно собаки на луну, и так напустились на него, что ему больше ничего не оставалось делать, как спастись бегством. Бедняга был побежден. Вероятно, он пришел к выводу, что если бы у него был Калепин,²³⁶ – вокабулярий, диксионарий, промптуарий и тезаурий ругательств, – он не уступил бы этой ведьме: поэтому он был вынужден скрыться в коллеж Монтегю,²³⁷ куда и удрал без оглядки.

²³³ *Галошник* – кличка состоятельных школяров, носивших специальные туфли, надевавшиеся поверх обычных башмаков, что позволяло им ходить по парижским улицам, вечно утопавшим в грязи.

²³⁴ *Во-первых и прежде всего (лат.)*

²³⁵ *Алектто, Мегера, Тезифона* – имена трех Эриний, богинь мщения и хранительниц кровных уз материнского рода в древнегреческой мифологии.

²³⁶ *Калепин* – латинский словарь, составленный в конце XV в. Амброзием Калепинусом.

²³⁷ *Коллеж Монтегю* – основанный в 1314 г. парижский коллеж, ученики которого славились своим плохим поведением и нечистоплотностью.